

84РБК
Э95

ЭХО ДАЛЕКОЙ ВОЙНЫ

СТИХИ И ПРОЗА

Посвящается 65-летию Победы,
воинам и труженикам тыла
Великой Отечественной войны —
защитникам нашей Родины

Литавыя
Дзіцячыя
мн. Н. К. Кіфуневы
аўтарав
"Крыба пера" зручна
с пошманьне
радыяні кааждоа дня!

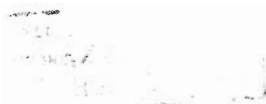
24 марта 2012.

84РБ К
ЭЭБ

ЭХО ДАЛЕКОЙ ВОЙНЫ

Стихи и проза

Кемерово
Кузбассвуиздат
2010

№

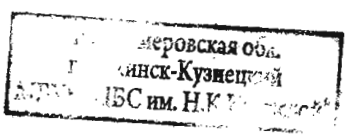
ББК 84Р7
Э95

90597(1)

Эхо далекой войны: стихи и проза / сост. Н. П. Глушкова. – Кемерово:
Э95 Кузбассвуиздат, 2010. – 79 с.

ISBN 5-202-00379-х.

ББК 84Р7

ISBN 5-202-00379-х

© Глушкова Н. П., сост., 2010
© Изд-во «Кузбассвуиздат», 2010

Шестьдесят пять лет назад закончилась самая страшная и самая кровопролитная война в истории человечества. Много сказано, написано о том суровом времени, но непреходящая боль живущих ныне очевидцев и участников Великой Отечественной войны, так или иначе, через отцов, дедов, матерей заставляет нас думать и говорить о войне в художественных образах, напоминать сегодняшним и будущим поколениям о тех трагедиях, которые несут войны...

*Война коснулась всех без исключения:
Мужчин и женщин, стариков, детей,
И даже тем, кто не видал сраженья,
Не вычеркнуть из памяти тех дней.*

Нина ГЛУШКОВА

Некоторые произведения повествуют не только о битвах и сражениях на поле битвы, но и о том, как же было тяжело тем людям, что остались в тылу и всеми силами пытались помочь фронту, своим защитникам.

*Все встали, стар и мал,
К станкам токарным,
Переполняли план
Трудом ударным.*

Виктор ДРЕБЕНЦОВ

Прошло уже много лет с тех памятных дней. Но не рвется связь времен – до сегодняшних дней ищут люди без вести пропавших родных, так и не вернувшихся к родному порогу, к родной семье...

*Я не знаю, где могла деда.
Кем схоронен, где его искать?
И не знает он, какие беды
Без него семье пришлось принять...*

Ирина СИДЕЛЬНИКОВА

Никогда не забыть те ужасные подробности военного времени, те нечеловеческие мучения. И сейчас, услышав ту или иную историю из уст самих очевидцев, авторы сборника попытались отобразить эти моменты в своих произведениях.

Сборник рассказов и стихов «Эхо далекой войны» передает волнение и тревогу людей, равнодушных к прошлому и настоящему нашей Родины, думающих о мире и любви на нашей прекрасной планете, это дань памяти тем, кто отдал жизнь за наше счастливое будущее.

Борис БУРМИСТРОВ,
поэт, член Союза писателей России

*Екатерина АРТЕМЬЕВА,
п. Демьяновка*

НАРЯЖАЛА ДЕВУШЕК ВОЙНА

*Землю жгли свинцовые метели.
Небеса и те не знали сна...
В серые солдатские шинели
Наряжала девушек война.*

А. ЖАРОВ

Плечом к плечу с мужчинами ковали победу над врагом наши женщины.

Нравне с мужчинами они мужественно сносили невероятные тяготы военного времени. Такой была и моя прабабушка.

Тюкина Лидия Федоровна родилась в 1925 году в многодетной семье из тринадцати человек на разъезде 130-й километр Кемеровской области. В пять лет она осталась без отца, который попал под поезд. В школу надо было ходить в ближайшую деревню за восемь километров. Жили очень бедно. Мама получала всего тридцать рублей. Моя прабабушка всю зиму ходила в школу, а летом трудилась в поле. Окончив семь классов, стала разнорабочей колхоза, затем уехала в город Юргу, где работала сцепщиком вагонов. Оттуда была направлена в Новосибирск по комсомольской путевке на обувную фабрику.

В 1943 году восемнадцати лет она была призвана вместе с другими девушками и отправлена на Карель-

ский фронт под командованием Р. Я. Малиновского в эвакуационный госпиталь.

В 1944 году персонал госпиталя был отправлен в Австрию (Третий Украинский фронт).

Двигались следом за передовой. В освобожденных городах ставили свой госпиталь и оказывали помощь пострадавшим в бою солдатам. Тяжело раненных отправляли в тыл, а легко раненные лечились на месте. Эвакогоспиталь передвигался постоянно то в Венгрию, то в Австрию, следуя за передовой неотступно. По словам прабабушки, врачи у них были самые лучшие. Хорошо помнит командира поезда, который относился к молодым девушкам с отеческой любовью и заботой. Именно на войне поняла, как важна фронтовая дружба. Она называла войну головоломкой, трудом умов.

Так и дошла моя прабабушка до Будапешта, где встретила День Победы. После еще целых шесть месяцев проработала в госпитале санитаркой.

Только 11 октября 1945 года демобилизовалась и вернулась домой.

На разъезде 137-й километр Топкинского района Кемеровской области стрелочницей осуществляла безопасное движение поездов и локомотивов. В то время ей было двадцать лет. В 1950 году вышла замуж.

С 1977 года осталась после смерти мужа одна с тремя детьми. Всех подняла, выучила, воспитала и вывела в люди. Имеет боевые и трудовые медали и награды.

Нелегкая участь выпала на долю моей прабабушки, но она с честью и достоинством прошла свой жизнен-

ный путь. Я очень люблю и горжусь своей прабабушкой. Одним из самых дорогих праздников в нашей семье является День Победы. Мы обязательно приходим в гости к своей дорогой и любимой бабуле и долго слушаем ее рассказы о войне.

Время показало, что русским людям было что защищать, для них она была в полном смысле ОТЕЧЕСТВЕННОЙ, ибо они защищали свою землю, свои семьи, свободу и независимость своего народа. Люди разных поколений должны помнить то драматическое и героическое время, когда отцы, деды, прадеды, бабушки и прабабушки отстояли ценой собственных жизней нашу свободу.

Идут годы, сменяются десятилетия, и многое из того, что у нас превозносилось как славные деяния, которые переживут века, померкло. Но этому подвигу – подвигу народа в Отечественной войне – суждено навсегда остаться в Истории.

*Сергей АСТУДИН,
д. Красноярка*

ПОМНИМ. ГОРДИМСЯ. ЛЮБИМ

Однажды мы большой компанией собрались отметить День Победы. В ходе застолья я заспорил с другом насчет одной войсковой операции во время войны. Страсти накалялись. Аргументы сыпались с обеих сторон. Охладила наш пыл тетя моей жены, прошедшая всю войну санинструктором. Она задала нам всего один вопрос:

– А вы там были?

Мы, конечно, начали упираться, мол, сколько про войну написано. А она нам в ответ: «Запомните, малыши (а этим малышам уже скоро по пятьдесят стукнет), к событиям, участниками которых вы не были, надо относиться крайне осторожно и бережно. Ведь в одних книгах написана правда, в других не совсем правда, а в третьих совсем неправда».

А ведь действительно, кто я такой, чтобы судить о войне. Я там не был, не испытал голода и лишений. И все-таки, у меня есть одно преимущество. Я могу рассказать то, что слышал от непосредственных участников тех событий.

У нас, детей, родившихся в начале пятидесятых годов, многие родители были фронтовиками. Мы хвастали друг перед другом наградами отцов. Спорили о том, какие войска важнее. Иногда наши споры заканчивались

настоящими батальями. Со слов своей матери я знал, что отец добровольцем ушел на фронт. Когда помогал отцу, старался больше узнать о войне.

Один раз я его спросил:

– Пап, ты же работал председателем сельсовета, у тебя была бронь, и ты мог спокойно отсидеться в тылу.

Он даже опешил:

– Да ты что, сынок? Как бы я людям в глаза смотрел? Отправил мужиков на фронт и, прикрываясь должностью, за их спины спрятался?

– Пап, а тебе приходилось убивать? – спросил я отца.

– Конечно, – ответил он.

– И точно знаешь и видел тех, кого именно ты убил? – интересовался я.

– Да, – сказал отец.

– А это тебя не мучает?

– Нет, сынок. Это была война, а на войне или ты убьешь, или тебя убьют.

Но многого от него добиться не удавалось. Поэтому для нас было настоящим счастьем, когда изредка после работы фронтовики на лавочке соберутся, примут немного горячительного, размякнут, и начинаются воспоминания. А мы, мелкота, собьемся в кучу, спрячемся, чтобы нас не было видно, и слушаем, боясь пропустить слово.

И вот что интересное, во всех их воспоминаниях присутствовала, хоть и небольшая, частичка юмора.

Из воспоминаний моего отца:

«После формирования нашу дивизию отправили на Ленинградский фронт. Я был назначен политруком роты. Поначалу трудно пришлось. На вооружении были одни винтовки. Потом уже стало легче, вооружение стало поступать, да и мы привыкли к свисту пуль да разрывам снарядов.

В начале 1942 года в нашу роту поступила большая партия ручных пулеметов. Ох, и хорошие были «машинки» – безотказные и убойность отличная. Мы раз проверили – на пятьдесят метров шейку рельса пробивает. Только разобрались с новым оружием, вызывают нас с командиром роты в штаб и ставят задачу – взять силами роты небольшую деревушку, в которой закрепились немцы. Видать, это нужно было сделать срочно, потому что нас предупредили: «Возьмете – наградим, не возьмете – под трибунал пойдете».

Дали нам небольшую поддержку артиллерией и вперед. Удачно все получилось: малой кровью обошлись. Наверно, немцы не ожидали, что у нас вместо винтовок пулеметы окажутся.

Действительно, важную задачу мы выполнили, потому что старшине роты, который первым ворвался в немецкие окопы, было присвоено звание Героя Советского Союза, и это в 1942 году, когда награждали очень скупно.

Закрепились мы в этой деревне, тылы подтянулись. Пошел я с ординарцем проверить, как бойцы устроились. Гляжу, а солдаты всякую дрянь в газетку заворачивают и курят. Мне это дико показалось, сам-

то я никогда не курил и не тянуло. Спрашиваю ординарца:

– Получаешь на меня табак?

– Да, товарищ политрук, получаю. Я его в сундучок складываю и что на себя получаю – туда же кладу, я тоже не курю.

Разделил я этот табак между всеми отделениями. А бойцы вечером от «наркомовских» отказались и целое ведро водки мне принесли в благодарность. Обругал я их и назад отправил. Видать, курево такая зараза, похлеще водки будет...»

Отец моего друга Иван Иванович был настоящий комик. Его рассказы напоминали рассказы барона Мюнхгаузена. Например, он вполне серьезно утверждал, что якобы пошел на охоту рано утром, смотрит, а караси по росе из озера в озеро переползают, и он их полную сумку набрал.

Послушав, мы начинали подсмеиваться над Сережкой.

– Какой же твой батя вояка, если так заливает. Он, наверно, солому на аэродром подвозил, ведь самолеты на соломе летают, – шутили мы.

Серега обычно кидался в драку, доказывая, что его отец служил в разведке. Мы бы, наверно, долго потешались над Сережкой, если бы один раз не увидели на 9 Мая Ивана Ивановича и его награды. Орденам и медалям на пиджаке было просто тесно.

С того дня мы очень сильно уважали Ивана Ивановича. Да и Серега ходил, высоко задрав нос.

Из воспоминаний Ивана Ивановича:

«В армию меня призвали в первую неделю войны и отправили в лагерь на формирование – надо было немного обстреляться. После двух недель занятий отправили наш взвод на полигон. Выставили пять мишеней и палим по ним из винтовок по очереди. Только последняя группа отстрелялась, позади мишеней поднимается солдат и кричит:

– Братцы, не стреляйте, я свой!

Командир сразу нас выстроил, по головам пересчитал, подходит к этому солдатику, кулаком перед его носом машет:

– Как же ты, подлец, позади мишеней оказался?

Оказывается, солдатик в первой группе отстрелялся, отошел в сторону и давай клубнику собирать. Ее на полигоне никто не рвет, ягоды – видимо-невидимо. Он так увлекся, что не заметил, как за мишенями оказался. На этом наши злоключения не закончились. Отстрелявшись, мы должны были еще кидать боевые гранаты. Разделились по отделениям. Отделение занимает окоп, и по очереди каждый боец должен кинуть гранату. Кинув гранату, прыгает в окоп, когда граната взрывается, – кидает следующий.

Когда кидали учебную гранату, у всех получалось, с боевыми же пошло не так гладко. Один кинул – нормально, другой – тоже, третий – кольцо выдернул, размахнулся, но кидать не стал, а начал перекидывать гранату из одной руки в другую, отпустив при этом чеку, наверно, разволновался. Командир кричит: «Кидай!», а

парнишка еще сильнее разволновался. Кинул, а граната полетела не от окопа, а вдоль окопа, упала на бруствер и вертится прямо у моего носа. У меня в голове мгновенно мысль пролетела: «Что делать? Если в окоп упадет – хана всему отделению, а если не упадет, а я из окопа сигану, то под ее осколки попаду». Решился, упал на дно окопа, уши зажал руками и жду. Слава богу, граната на бруствере взорвалась и никого осколками не задело. Командир хороший оказался. Ходу проступкам этих ребят не дал. И правильно сделал. Пообтесались солдатики, и такие бойцы из них получились – закачаешься.

Когда вступили на территорию Германии, считай, сплошного фронта уже не было. Все перемешалось.

Вызывает, показывает: «Где-то в этом массиве должна находиться танковая колонна немцев. Нам надо срочно обнаружить». Сели мы в «Додж» и отправились искать эту колонну. За день утомились, как черти. Командир едва успевал на карте отмечать пройденный путь. Уже ночью догнали какую-то часть, которая двигалась, соблюдая все правила маскировки.

«Наверное, это наши», – думали мы. Пристроились за ней в хвосте и едем полусонные. Вскоре за нами танк пристроился.

Долго ехали, уже светать начало. Командир первым очнулся, растолкал нас и пальцем назад показывает. Я оглянулся, а сзади – немецкий танк. Оказалось, мы в той колонне, которую искали. Водитель потихоньку в сторону сворачивает и ходу, а мы во все глаза на этот танк глядим.

Немцы тоже не дураки, быстро нас раскусили. Не успели мы еще и ста метров проехать, танк остановился и ствол в нашу сторону разворачивает. Мы из машины в разные стороны сыпанули. Немцы как вдарят прямой наводкой по машине, она метров на двадцать подлетела. Танк подъехал, покрутился на останках машины и отправился догонять колонну.

Хорошо, что командир, выпрыгивая из машины, успел рацию захватить. Установили координаты колонны и передали нашим. Почти сразу же наши штурмовики разделили эту колонну под орех...»

Мне хочется, чтобы этим небольшим рассказом были помянуты: мой отец Егор Михайлович Астудин, который, находясь при должности и имея бронь, не стал отсиживаться в тылу, а на третий день войны отправился на фронт добровольцем и с честью прошел военными дорогами до самого Берлина; друг моего отца – Иван Иванович Купцов, начавший войну безусым восемнадцатилетним юношей и закончивший ее опытным боевым разведчиком, собственноручно расписавшимся на стене Рейхстага. Пусть также будут помянуты все, кто когда-либо брал в руки оружие, защищая свое Отечество.

Сведения об Астудине Егоре Михайловиче записаны в «Книге Памяти» Ленинск-Кузнецкого района.

*Галина БИБИКОВА,
д. Красноярка*

МОЙ СОЛДАТ

*Открытое письмо
Бабакину Петру Ивановичу –
Русскому солдату*

505 97 (1)

Дядя Петя! Помните, очень давно у нас с Вами была игра? Смысл ее заключался в том, чтобы неожиданно появиться, например, из-за угла и первым выкрикнуть: «Мой солдат!» И тогда ты весь день можешь отдавать приказы своему солдату, а он обязан их исправно исполнять. И, как много лет тому назад, я называю Вас: «Мой солдат!» И звание это для меня важнее и значительнее любых других.

Не раз я слышала воспоминания очевидцев, которые провожали взглядом спешащие на фронт эшелоны с воинами-сибиряками. У всех при виде красивых, молодых, крепких и надежных парней рождалась вера, что наш народ не сломить, что мы победим. Слушала эти воспоминания с волнением и гордостью, потому что среди защитников нашей земли был тогда совсем юный, небольшого роста, коренастый «мой солдат» – наш дядя Петя.

Я никогда не изучала Вашей фронтовой биографии, да и Вы никогда не бывали на пионерских сборах, не выступали с рассказом о своем пути в Великой Отечественной. Да это и не обязательно. Я знаю: где бы Вы

ПОЖЕЛОВАНИЕ

РФ Кемеровская обл.
г. Ленинск-Кузнецкий
МБУК "ЦБС им. Н.К.Крупской"

ни были, на каком фронте ни воевали – везде Вы сражались на совесть, честно, не жалея себя, как прожили всю свою жизнь.

Каким же чудом ты выстоял, русский солдат, под пулями, под бомбами, в рукопашном бою? Я знаю: никто лучше тебя не построят дом, не вспашет землю, не вырастит хлеб, не воспитает детей. Кто бы все это сделал, если бы ты не вернулся из боя? Сколько себя помню, всегда, каждое утро, Вы шли мимо нашего дома на работу. В кирзовых сапогах, на голове – фуражка, в промасленной спецовке или фуфайке. И что больше всего удивляло – всегда чистая, выглаженная рубашка – белая, в голубую клетку. А возвращались вечером или поздно ночью. Дома Вас встречала жена, наша тетя Валя. Всегда у нее была готова баня, а потом сытный ужин для мужа, отца пятерых детей, труженика, кормильца. Мы видели Вас каждый день: никакие хвори, невзгоды не могли помешать Вам выйти на работу. И как в военные годы, все были спокойны и уверены в том, что земля будет вовремя вспахана, поле засеяно, а хлеб в срок убран. Значит, будем жить.

Сегодня я думаю о том, как вас мало – простых, честных, крепких, надежных бесславных героев. Но что бы было со всеми нами, если бы вас не было? Вас мало, и с каждым днем становится все меньше и меньше, но именно на ваших плечах держится мир во всех его значениях. И все, что еще в мире осталось доброго и справедливого, сохранилось благодаря тебе, мой солдат!

*Валерий ВЕРЕЗУБ,
с. Чусовитино*

МЫ ПОМНИМ

Над полем бескрайним
Черный стелется дым,
Там лежит неподвижно
Русской матери сын.

Лишь минуты в атаке
Он за Родину был,
И, сраженный разрывом,
Вдруг навеки застыл.

А в далекой сторонке
Ждет она письмецо,
С фотографии смотрит,
Улыбаясь, лицо...

Отшумят листопады,
Вновь наступит весна...
Не вернуться солдаты,
Что ушли навсегда.

Пусть на месте воронок
Рожь колышут ветра,
Пусть ни мам, ни сестренок
Не коснется война...

ВЫРУЧАЙ, МИЛАЯ!

Донские степи сорок второго года дышали неимоверной жарой и едкой пороховой гарью. Полуторка рядового Нетудыхаты, взвывая на подъемах, приближалась к передовой линии фронта. По утренней зорьке он получил приказ: «Срочно доставить на позиции снаряды и эвакуировать раненых!»

Смотря на поднятое лобовое и опущенные на дверцах стекла, полуденное солнце накалило кабину, и глаза постоянно слепил обильно текущий пот, заставляя то и дело смахивать его грязной тряпичкой. Навстречу по пыльной дороге брели отступающие за реку Дон войска.

Бойцы качались от постоянного недосыпания и усталости. Выгоревшим на солнцепеке обмундированием они напоминали желтые колосья хлебных полей, которые они жгли собственными руками, давясь слезами горечи и ненависти к врагу.

Машину резко тряхнуло на выбоине, Нетудыхата прерывисто вздохнул. Осипшим от жажды голосом проговорил:

– Сколько же людей еще будет вырывать этот огненный ураган из жизни?

– Заметь, не поодиночке – ротами, батальонами, армиями. Вот что получается, друг, – спокойным голосом отозвался на сказанное рядом сидящий пожилой военфельдшер Сердюков, большеголовый, припорошенный сединой и пылью очкастый человек. Помолчав, добавил: – Хлебаем горе-горькое, аж поперек горла стало.

Выплюнем когда-нибудь, – задумавшись Сердюков неподвижно уставился перед собой.

– Эх! – кулаками стукнул по баранке Нетудыхата, – разве у кого думки имелись, что с хлебного поля попадут на поле смертной жатвы? Мы – в корне мирные люди. Остальное нам чужое. Так мы устроены. Постоянно вспоминается довоенное время. Бывало, посажу девчат в кузов и везу в поле снопы вязать. Они по дороге такую песню запоют – душа в поднебесье рвется. Мне всюду почет и уважение. Первый парень на селе. Девчата и пацаны возле меня стайкой порхали. Хорошо, что не женился и не наплодил детей. Страшно их сиротами оставлять. Сейчас у меня остался последний крохотный кусочек от прожитой счастливой жизни, – любовно погладил руль автомобиля Нетудыхата.

Вдруг все возможное и невозможное, вероятное и невероятное, родное и чуждое прокатилось сквозь него, не давая вздохнуть полной грудью. Он с необычайной ясностью осознал, за что воюет.

Набежавшие мысли и чувства оборвало настойчивое постукивание под днищем машины.

– Во, ядрена вошь... – сквозь стиснутые зубы ругнулся Нетудыхата и сплюнул тягучую слюну, – толковал же вам: нужен срочный ремонт. Потом, потом... Понимаю: приказ – дело святое, но и машина требует внимания. Слышь, чаво глаголет? В самую душу стучит. Жалуетса, бедняжка, а я, свинья, помочь ей сейчас ничем не могу. Ерша ниже пояса, – со злостью произнес Нетудыхата.

– Ладно тебе. Остынь малость. Из рейса вернемся, вот тогда с ней займешься, чем она желает, – бросил Сердюков.

Поерзав на жестком сиденье, Нетудыхата тихо высказался:

– Хорошо бы. Авось, правдами и неправдами дотянем.

...Разгрузку боеприпасов проделали мигом. Лишь дело дошло до раненых, начался артобстрел. Совсем рядом вздыбилась земля от крупнокалиберных снарядов немцев. Все вокруг походило на штормовое море. Только с неба падала не вода, а комья земли.

Когда все раненые оказались в кузове, молоденький политрук распорядился:

– Езжайте проселками. Главную дорогу перерезали танки противника. Задумали окружить, сволочи. Мы им покажем кузькину мать.

Он ещё что-то попытался сказать, но слова утонули в нарастающем грохоте быстро приближающегося боя.

Ехали молчаливые и угрюмые, терзаемые беспокойством. Рвало душу вновь вынужденное отступление. Угнетал предстоящий дорожный крик по неизвестной дороге.

Раздался громкий стук и скрежет металла. Машина резко остановилась, мотор взревел на холостых оборотах.

– Мать честная! Тудышки-растудышки! Приехали! – ошарашенно выкрикнул Нетудыхата, глуша двигатель.

– Что случилось? – обеспокоенно спросил Сердюков.

– Случилось?.. Кардан рассыпался, – тоскливо прокричал Нетудыхата, вываливаясь из душной кабины.

В наступившей тишине послышались протяжные стоны раненых.

Из кузова на землю спрыгнул санитар и шаткой походкой подошел к военфельдшеру.

– Там, один... – как-то неопределенно махнул рукой.

– Что будем делать, шофер? Помощи нам ждать неоткуда, – обвел тревожным взглядом безлюдную равнину Сердюков. – Нагрянет немчура – передушит, яко котят. Нам нельзя не довести. Будь все проклято. Думай, шофер, на то ты и спец, – сурово посмотрел Сердюков в напряженное лицо водителя.

Нетудыхата опрометью юркнул под автомобиль. Вскоре послышался энергичный перезвон ключей.

– Мне нужны ремни, – раздался приглушенный крик Нетудыхаты.

– Какие еще ремни? – удивленно переспросил Сердюков, торопливо отходя от свеженасыпанного холмика земли в глухой степи.

– Поясные, брючные. Пошевеливайтесь!

Оглушительно кряхтя и сопя, выражаясь крепкими словцами, Нетудыхата соединил жалкие остатки кардана оказавшимися под рукой брезентовыми ремнями и кусками проволоки. Его руки покрылись ссадинами и ранами, из которых капала темно-красная кровь.

– Давай йодом прижгу, – предложил Сердюков.

– К черту. На кой лад? Обойдусь, – отмахнулся шофер, доставая заводную ручку.

Недовольно мотор фыркнул, заурчал басовито.

Тяжело дыша, Нетудыхата медленно влез в кабину своей родной машины. С предосторожностями выжал сцепление, воткнул скорость и, затаив дыхание, начал отпускать педаль. Машина слегка дернулась и, заскрипев, покатила по дороге, оставляя за собой клубящуюся пыль.

– Ну, милая, выручай, голубушка! Подумаешь – ремни... они тебя не унижают. С ними ты еще привлекательнее стала, машинка моя неприхотливая. Стерни, и это нужно. Очень нужно! – словно заклинание, не уставая повторял Нетудыхата, судорожно вцепившись в руль автомобиля. – Нам бы чуточку дотянуть. Подумаешь – с десятков километров... Мы с тобой их мигом пробежим. Я верю в тебя!

ДОМОЙ

«Васек!..» – разорвал хрипловатый голос еле установившуюся тишину войны в этой несказанно малой частичке российской земли.

Звавшая внука старуха едва передвигала натруженные опухшие ноги, сгибаясь на целых две четверти под легкой тяжестью незатейливого скарба на плече.

Стая облепивших голое дерево ворон с громким карканьем взвилась, замазывая синеву неба чернотой.

Шедший впереди подросток резко обернулся и кинулся к оседающей на землю бабушке.

– Баб, баб, потерпи еще малехинько. Считай, что мы уже дотепали, – успокаивал он бабушку, устремляя взгляд на вершину крутого холма. – Авось, там мамка давно заждалась. Поднимайся, давай пособилю. – Васька одним движением сдернул с плеча Пелагеи торбу и почти бегом начал взбираться на холм. Пелагея, охая, заковыляла вслед внуку.

Разве она могла себе представить, что простая поездка к сестре за двести километров растянет обратную дорогу на целых полтора суровых и жестких года.

Она уже не ковыляла, а тоже бежала вслед за хрупкой фигуркой внука, спотыкаясь на каждом неуверенном шаге. Она совершенно не замечала палящего солнца, приминая потрескавшимися голыми ступнями дорожную пыль, которая медленно тянулась ей вслед.

Из воспаленных красных глаз по лицу с неглубокими бороздами, пропаханными плутом старости, лились слезы.

Вот-вот, еще чуть-чуть – и вершина холма, за которым родной дом.

Еще малость бы силенок...

Пелагея сразу заметила, как застыл внук. Жалом кольнуло уставшее сердце.

Только остаток печных труб говорил о том, что здесь когда-то жили люди, работали на плодородных полях, любили, растили детей и жили ожиданием будущего.

Теперь лишь запах пожарища резал ноздри и безмолвие сжимало душу.

То ли от увиденного, то ли от жары в голове помутилось, и она плашмя упала на землю, выбросив тощие руки с крючковатыми пальцами в сторону мертвой деревни.

Она совершенно не помнила, как оказалась в добротном блиндаже в целых три наката из толстых бревен, даже с сохранившейся дверью.

Васек сидел рядышком, обхватив ручонками острые коленки. В его животе урчало, пищало от мучившего голода.

– Водицы... Водицы испить бы, – еле раздвигая губы, прошептала Пелагея. – Сбегал бы к колодцу.

– Баба, я там был. От него несет тухлятиной на целую версту.

– Ироды, все испоганили! Что воду, что землю. Фашистам все едино... Да будь вы прокляты во веки веков, отребье окаянное! – погрозила она кулаком. – Может, наш родничок уцелел? Ты его помнишь? – с щемящей надеждой спросила она себя и внука.

– Я мигом, – блестя глазенками, отозвался Васек.

– Не смей! Погодь. Не шастай без меня.

Закат ярился. Подул свежий ветер.

– Завтрась дождь умоет землю. Ей тоже надо вздохнуть полной грудью и смыть всю пакость, которой наградил дурной человек, – глубоко вздохнула Пелагея.

Неожиданно внимание Васи привлек шевелящийся в траве коричневый бугорок.

– Баб! Поглянь – заяц! – показал он ей трясущейся от возбуждения ручонкой. – Счас я его!..

Вдруг земля словно взбесилась, взвилась к темнеющему небу. Сердце Пелагеи словно оборвалось, но она нашла в себе силы кинуться в сторону взорвавшейся мины.

В нескольких метрах возле дымящейся воронки, разбросав руки, лежал Василек с закрытыми глазами, с восковым лицом.

Трясущимися руками Пелагея ощупала худосочное тельце, целуя белесые волосы макушки.

Головка Васьки дернулась, и он открыл глаза, уставившись мутным взглядом на Пелагею.

– Кровиночка мой, живехонек?! – повторяла она раз за разом не веря чуду, всем своим существом моля небеса.

– Где заяц? – спросил, ничего не понимая, Вася.

– Заяц? Заяц убежал. Его уж не поймать. Главное, что ты целехонек. Зайцы еще будут. Мы пришли домой!

СКВОЗЬ ВОЙНУ

*Светлой памяти моей мамы –
Елизаветы Владимировны
Гаврюковой (Верезуб) – посвящается*

По родной земле тяжелой поступью ступал сорок первый год, обильно омытый кровью сотен, тысяч, миллионов советских людей.

Как ни старался густо идущий снег прикрыть землю своим белоснежным покрывалом, пепелища городов, поселков и деревень оставались черными пятнами на почти обезлюдившем пространстве. Правда, кое-где в небо струились тоненькие столбцы шедшего из-под снега дыма, наметанного суровой зимой, и тогда пахло человеческой жизнью.

Изредка возле землянок морозную тишину опаленной дотла войной деревни Самолюбовки Починковского района Смоленской области нарушал настороженный скрип снега из-за человеческих шагов.

Первые дрожащие лучи подслеповатого солнца с огромным трудом пробились сквозь тягучую вязь тучных снежных облаков. Через маленькие щелочки землянки они прикоснулись к лицам людей, вповалку лежащих на земляном полу, который был устлан трухлявой соломой. Тотчас раздался надрывный сухой кашель, протяжные вздохи, хихиканье и плач детей.

Хруза ткнула Ксюше сосок тощей, в синих прожилках груди. Жадно соснув ее несколько раз, малышка разразилась оглушительным криком.

– Лизонька! – осипшим голосом кликнула женщина свою старшую дочь. С огромным усилием разбросав кучу тряпья, с пола поднялась худенькая, высокая девушка, подросток четырнадцати лет, одетая в залатанное легкое пальтишко. Ее светлую головку прикрывала домотканая хустка.

Лиза, осторожно переступая еще лежащих на полу людей, подошла к матери.

– Что, матуся? – ломким голоском спросила она, с любовью поглаживая сестричку по головке, жалостливо приговаривая: – Ксюшенька, миленькая, кушать хочет...

– Лизок, поднимай детишек, картопля кончилась. Кормиться нечем.

Каким-то чудом сохранился на дальних полях колхоза «Заветы Ильича» внушительный бурт картошки. За несколько километров каждые три дня ходили дети с торбами на плечах. Это являлось их святой обязанностью. Они кормили себя и стариков.

Дружная стайка детворы в мгновение взвилась по первому зову старшенькой Лизы без всякой суеты и сгрудилась возле нее. После короткого объяснения они молча вышли на морозный воздух.

Лиза шла впереди, пробивая наметы снега, постоянно вытирая обильно струящийся по лицу пот уголком платка. Сзади молча брели пацаны и девчонки. Их оглушительное сопение и дыхание будоражило устоявшийся морозный воздух.

Наконец показалась, делая крутой поворот, наезженная дорога на Рославль. Возле этого поворота надобно сворачивать в поле к виднеющемуся лесу.

Вдруг послышался нарастающий гул. Он приближался с каждой секундой. Дети замерли. На пригорке выросли силуэты машин и людей.

– Немцы! Немцы! Напоролись на карателей! Ложись! – отчаянно закричала Лиза, но было уже поздно – их заметили.

Раздался визгливый окрик:

– Ауфштейн! Шнеллер! Швайн русиш! Ком, ком.

Это призывно манил к себе высокий немец с большой сверкающей бляхой на груди.

Лиза и пять ребятишек молча встали, отряхивая налипший снег дрожащими красными руками. Один из жандармов, путаясь в длинной шинели, подошел к Лизе и больно ткнул в грудь дулом винтовки и, гнусавя, проговорил:

– Бите, фрау, – указывая в сторону большака, где зловеще урчали машины, слышались резкие команды на непонятном языке, но суть которых была яснее ясного.

Дети исподлобья наблюдали, как трое стариков с нависшими на бородах сосульками медленно приблизились к зеленому металлическому фургону с красными крестами. Через открытую дверь моментально повалил душливо-сизый едкий дым. Они стали вытаскивать трупы женщин, детей, пожилых людей, укладывая штабелями вдоль дороги. Затем обильно полили бензином.

К небу взметнулся толстый столб жирно-черного дыма. Надрывно заголосили бабы, размазывая грязными руками по лицам крупные слезы скорби.

Так погибла целая семья маминого двоюродного брата из семи человек. Лиза тоже плакала навзрыд, увидев первый раз такую ужасную смерть.

Тогда на Смоленщине нацистские изверги-«врачи» впервые испытали масштабно новейший метод истребления человечества выхлопными газами. Эти чудовищные машины в народе прозвали душегубками.

На железнодорожной станции Стодолище людей, словно скот, начали сортировать по группам. Одних заталкали в вагоны, других погнали за околицу. Вскоре оттуда послышались длинные пулеметные очереди.

В набитом до отказа человеческими телами товарном вагоне было нечем дышать. Кто-то случайно обнаружил надломленные доски. С нечеловеческим усилием их выломали. Получился узкий проход. Несмотря на риск разбиться, многие решили прыгать из поезда на ходу. Дрожа от нетерпения, ждали наступления темноты. Наконец, в наступающих сумерках непрерывной полосой потянулись густые брянские леса.

Жгучая тоска по родным и близким, отчаяние и хрупкая надежда толкнули Лизу совершить смертельный прыжок в кромешную темноту. Что ее ждет?

С трудом протиснувшись сквозь отверстие, встала на колесную буксу, судорожно ухватившись за игольчатые края доски, больно впивающиеся в ладони. Пугающе и оглушительно гремели колеса на стыках рель-

сов. Упруго-жгучий ветер хлестал по лицу. Судорожно вздохнув, с огромным усилием разжала одеревеневшие ручки. Сердце сжалось в маленький комочек, и наступил полный мрак. Она потеряла сознание.

Двигающийся на подъем эшелон, глубокий снег на откосах и не встреченный на пути прыжка телеграфный столб спасли ей жизнь. -

Нескольким беглецам не повезло. Их зарыли просто в снег. Перед самым рассветом небольшая кучка людей, продрогших до костей, замечая следы еловыми лапами, углубились в неприветливый зимний лес.

...К утру зарядил нудный, леденящий дождь.

Партизанский отряд, совершая мелкие диверсии, медленно продвигался к линии фронта. Катастрофически не хватало продуктов питания. Люди просто валились с ног от постоянного недоедания и болезней, уничтожавших их смертоносной косой.

Лизу часто посылали в различные населенные пункты в поисках съестного. Своим изможденным видом она походила на тоненькую былиночку, гнущуюся при каждом порыве ветерка. Поэтому она не вызывала подозрений у немцев и полицаев, появившихся в этих местах.

На очередном задании юная разведчица нос к носу столкнулась с дотошным венгерским патрулем. Почему тогда она вызвала подозрение, Лиза понять не могла.

– Комендатур! – громко скомандовал широкоплечий, бородатый мужчина в темно-синей шинели с винтовкой наперевес.

«Неужели попалась? – обожгла первая пришедшая на ум мысль, – чем вызвала подозрение?»

Оказывается, на воротнике Лизы прилипли иголки хвои.

Неожиданно из-под подворотни выскочил огромный рыжий пес и кинулся под ноги бородатого. Пока тот яростно отбивался от заступника, Лиза успела улизнуть через двор в открытое поле к лесу.

Эхом прозвучали за ее спиной два гулких выстрела. Лиза натолкнулась на какую-то стену. Тяжело дыша, остановилась и оглянулась.

Погони за ней не было. Пронзило сердечко – стреляли не в нее, а в собаку! Эта сволочь убила ее!

(Помню ее доброе, ласковое отношение к собакам. Никогда ни один злющий цепной пес на нее не лаял. Мама могла спокойно подойти к нему и погладить. Те только приветливо махали хвостом.)

После долгих месяцев скитаний и боев отряд Краморенка подошел к линии фронта. В этих заболоченных местах он не имел сплошной обороны. Никто даже и не представлял, что здесь партизаны наткнутся на засаду.

Сразу завязался ожесточенный бой. Лиза принимала в нем активное участие наравне со взрослыми. Стреляла, бросала гранаты. Ей это было не впервой. Потом поплыло все как в густом тумане.

... – Ты еще поживешь, доченька, – услышала она ласковые, ободряющие слова сквозь будто набитую вату в ушах.

Открыв глаза, совершенно не понимая, где находится и кто перед ней, она начала истерически кричать, пытаясь вырваться из крепко держащих рук. Обессилев, рухнула на подушку. «Оклемается. Молодой организм. С ней все будет в порядке», – констатировал молодой хирург после очередного обхода.

На протяжении четырех месяцев свеча ее жизни то угасала, то возгоралась.

Последний бой был скоротечным. Они прорвались за линию фронта, но Лиза получила тяжелое ранение в голову.

После излечения она сразу стала проситься на курсы радисток, но получила категорический отказ. Ее попросили остаться при госпитале. Начальство сразу заметило ее трудолюбие, бережливость, строгость и расторопность.

Назначили почти ребенка на должность сестры-хозяйки. В свои шестнадцать лет ее стали величать Елизаветой Владимировной.

*Нина ГЛУШКОВА,
д. Красноярка*

* * *

Весенним теплым майским днем
Мы к вечному огню идем,
И здесь в священной тишине
Чтим память павших на войне.
И, возлагая им цветы,
Клянемся воплотить мечты:
Надежно Родине служить
И крепко миром дорожить!
Звучит набатом эта речь,
И мы должны наш мир сберечь!
Солдаты, павшие в бою,
Нам подарили жизнь свою.
Оставили семью и кров,
Спасая нас от злых врагов.
За все, что есть у нас с тобой,
За радугу над головой
И за ромашку на лугу –
Мы в неоплаченном долгу.

ЗА ПОБЕДУ

День Великой Победы грядёт,
Ветераны наденут шинели.
Мой солдат на парад не придет,
Разыскать мы его не успели...

Дед мой без вести пал на войне,
Не нашелся солдат после боя.
Та война в безудержном огне
Поглотила бесследно героя.

Имя деда я в книгах ищу,
В Интернете листаю страницы –
Отыскать рядового хочу,
За Победу ему поклониться.

Может, в братской могиле лежит,
Может быть, захоронен отдельно...
Погибая, велел он мне жить
И Россию любить беспредельно.

Война коснулась всех без исключения:
Мужчин и женщин, стариков, детей,
И даже тем, кто не видал сраженья,
Не вычеркнуть из памяти тех дней.

Похитила война отцов и братьев,
Лишила детства хрупких малышей:
За непосильный труд пришлось им браться,
Дабы облегчить участь матерей.

Враг ненавистный, подлый, беспощадный
Россию вздумал у людей отнять,
Уничтожал все русское нещадно
И жизнь людскую повернул он вспять.

Но наш народ – он непомерно сильный,
И мужества ему не занимать –
Все отдал за любимую Россию,
Собою заслонил землю-мать.

И сколько б ни родилось поколений,
За счастье, радость и любовь свою –
Обязаны мы преклонить колена
Пред воинами, бывшими в бою.

МАМИНО ДЕТСТВО

Архипенко Степан Григорьевич вырос в многодетной семье. На себе испытал все трудности и «прелести» судьбы, выпадающие на подобные семьи, познал и радости, и лишения. И все же после женитьбы посыпались в его семейное гнездышко детишки один за другим. И к тридцати пяти годам заимел он четверых сыновей и трех дочерех.

Чем больше детей рождалось у Архипенко, тем острее ощущалось бедственное положение семьи. Детям не хватало ни еды досыта, ни одежды, ни обуви. И только простая человеческая любовь помогала молодым претерпевать невзгоды, преодолевать, казалось бы, непреодолимые препятствия на их нелегком жизненном пути.

Жили Архипенко в Алтайском крае в поселке под названием Восточный. Маленький поселок имел чуть больше тридцати дворов. Степан Григорьевич работал полевым бригадиром. С раннего утра и до поздней зари в поле пропадал, вкалывая и за бригадира, и за агронома, и за тракториста. А его жена, Александра, когда позволяло ей здоровье, на животноводческую ферму то телятницей, то свиаркой устраивалась. А в основном за малыми детьми присматривала, за огородом ходила да по хозяйству хлопотала.

Предыдущий год выдался на редкость неурожайным: ни зерна, ни картошки – на корню все погорело. Жили очень бедно, питались впроголодь, дети часто

болели. Младшенькие весь день канючили, есть просили. А родителям-то и накормить детишек нечем было. А те, что постарше да посообразительней, в лес убежали, там съедобные корни да листья добывали. Тем и живы были.

Весной поля-то с горем пополам засеяли, огороды отсадили да надежду на урожай лелеяли. А пока жители поселка время зря не теряли – с сорняками боролись, к сенокосу готовились, неполадки на ферме устраняли. Дел куча, так что сложа руки никто не сидел.

Степан совсем редко домой появлялся. Бывало, забежит мимоходом о здоровье детишек справиться или к концу недели в баньке помыться. А тут вдруг среди недели так заскучал по родным, что заявился среди ночи к родному порогу. Разулся на крыльце, чтоб сапожищами в доме не греметь, промасленный пиджак в сенях на гвоздь повесил – от мазута хоть чуток проветриться, а сам крадучись в избу вошел, чтобы домоладцев не разбудить.

Но Александра в то время уже по хозяйству хлопотала – квашню замешивала. Руки ее шустро с работой справлялись, а вот взгляд – в никуда и скорбный какой-то, словно угасающая свеча.

– Шура, ты че ни свет ни заря подскочила? Аль и вовсе не ложились? – шепотом спросил Степан, крепко обнимая жинку за плечи.

Жена глухо ойкнула да, обтерев руки о фартук, как подкошенная на лавку у стола опустилась. А сама взгляд от мужа прячет, словно боится чего. Да только от Сте-

пана ничего не утаишь – он и беду, и радость за версту чувствовал.

Рядом сел и, по-хозяйски уперев руки в колени, к худшему приготовился. Хотя куда уж хуже. Мало того, что малышня один за другим плашмя лежат от жара, а тут еще и старшая их, Гашка, совсем ничего не видит: все лицо заплыло, из глаз гной течет. А она еще и матери помогать пытается, от света жмурится и почти на ощупь то пол подотрет, то пеленки состирнет...

– Сказывай, Шура, кто из сорванцов нашкодничал, аль Гашке еще пуще с глазами стало?

Александра головой к плечу мужа прислонилась, помолчала, подбирая верные слова, да тревожно прошептала:

– Бабка Степанида сказывала, что еще недельки две примочки подделаем, и все как рукой снимет, снова девка зрячая будет...

– Да на тебе лица нет, хлеще, чем с Гашкой... Шура, ты уж все как есть гутарь, ладно, не томи душу... – понуро опустив голову, взмолился Степан.

– Степ, да ты не волнуйся, это я так... сон неспокойный приснился... вот я и призадумалась – не случилось бы чего с нашей кормилицей...

– Чё за сон-то, расскажи, – горько усмехнувшись, поинтересовался Степан.

– Да так... вижу – день-деньской, а бабы коров выгоняют со дворов и за поселок провожают. Ну и я за прутик схватилась, да Зорьку нашу на выгон... Пастуха вроде не видать, а мы коровенок своих все гоним

и гоним... – вытирая уголком платка навернувшиеся слезинки, тихо закончила Александра. Но, помолчав, добавила: – А еще, знаешь, Степушка, птицы какие-то с хохолками весь день стайкой над домом кружили да кричали жутко так, то ли «ходят тут», то ли «худотут»... уж больно страшно это у них выходило, аж мороз по коже...

– Ну, это уж ты и вовсе зря – сон и есть сон, че с ниво возьмешь... мне порой такое привидится... и ничиво... А птицы, они ведь вреда не принесли – покричали да и улетели... – по-мужски рассудил Степан, а у самого в груди больно зажгло от рассказа. Крепко обнял он жену, да так и просидели до рассвета...

Все бы ничего, да только вот сон тот вещим оказался. Ох, и наревелись бабенки, когда нарочный из райцентра на взмыленном жеребце прискакал да объявил страшную весть о вероломном нападении Германии да о войне с немцами.

С началом войны жителей поселка обложили налогом: забирали яйца, молоко, мясо и даже шкуры животных.

На десятый день войны из поселка сразу тридцать мужчин провожали на фронт. Среди них был и Архипенко Степан Григорьевич. Всей семьей провожали его родные на войну с фашистами. Поочередно прижимал Степан к себе то детей, то жену. Прощаясь с детьми, наказывал матери ни в чем не перечить, обещал, что вернется и обязательно спросит – как они ей помогали.

А у самого сердце разрывалось на части от мысли, как же Шура одна справится с такой оравой?..

– Держись, Шура! Береги себя! Детей береги! – кричал Степан из вагона тронувшегося в неведомый путь состава. – Детей береги, Шура...

«Как они без меня? Кто о них позаботится? – с трудом переводя дыхание, думал Степан. – Баню не отремонтировал, крышу залатать не успел, у сарая угол стены совсем вывалился... думал за лето все подлатаю, а тут такое... Ну ничего, разобьем фрицев и домой. Все сделаю, а сейчас надо Родину защитить – эти дома, леса, жен да матерей наших, детей малых...» – стоя у двери, размышлял он, покидая родные края и до боли родные лица...

Проводив почти всех мужчин на фронт, пришлось женщинам выполнять за них самую трудную и тяжелую работу, дети от десяти лет и более работали наравне со взрослыми без перерывов и выходных.

Рано утром Гаша десяти лет, ее младший восьмилетний брат Миша и другие дети примерно такого же возраста выходили в поле и до самой темноты пахали на быках и коровах, готовя огромные поля под сев зерна. Хорошо, если утром в доме им было что похлебать перед работой, но чаще всего дети уходили в поле голодными.

Сухая стерня до крови царапала ноги, появлялись глубокие раны. Они кровоточили и гноились. Чтобы облегчить страдания детей, родители тайком снимали кожу с мертвых коров, делили ее на куски, прокалыва-

ли в них дыры, вставляли шнурки, затягивали на ногах ребенка. Утром, пока роса, кожа оставалась мягкой и удобной, но когда поднималась жара, быстро высыхала и стягивала ноги.

Иногда, если дети были невыносимо голодны, эту «обувь» снимали, разводили костер из стерни, осмаливали шерсть и, пытаясь обмануть голод, кусочками съедали кожу.

Всем детям давали рабочую норму, спрашивали очень строго, как со взрослых. Контролировали, чтобы они не ленились и не играли, а работали.

Александрe тоже пришлось, бросив грудного ребенка на попечение пятилетней дочери, выйти на работу в свинарник и зарабатывать трудовни, чтобы ее дети не погибли от голода.

Частенько Гаша и Михаил после изнурительной работы на полях, полуживые шли к матери на свинарник и украдкой воровали перемороженную картошку из котла, которая варилась для маленьких поросят.

Невыносимо тяжелой нагрузкой, обрушившейся на всех сразу, не выдерживали ни люди, ни животные. Коровам и лошадям не хватало корма, а работать приходилась почти круглые сутки, и скот замертво падал прямо на полях или не доходя до стойла. Люди, спасаясь от голода, ели все, что можно было съесть. Доходило даже до того, что мясо мертвых коров и лошадей делили, варили и кормили им свои семьи...

Изможденные и обессиленные животные, на которых дети пахали, с трудом переставляли ноги и наотрез

отказывались волочить за собой плуг. Немалых сил стоило детям сдвинуть их с места и заставить пройти еще хоть одну борозду, а за ней другую и так в течение всего рабочего дня.

Измученные голодом, непосильным трудом, дети плакали и молили Господа Бога, чтобы пришла к ним война и поубивала их, чтобы навсегда закончились их мучения... А наплакавшись, продолжали свою работу...

Во время военной подготовки, когда проходили строевую, изучали виды оружия или стреляли по мишеням, Степан забывал о семье, полностью переключаясь на военную подготовку. Но после обучения мысленно возвращался в поселок и до изнеможения изматывал свою душу переживаниями за свою семью, представляя тяжелую участь жены и детей, оставшихся без кормильца. Даже в самых смелых мыслях не было и десятой доли того, как на самом деле обстояли дела в родном поселке и в родной семье.

Получая письмо от жены, рядовой Архипенко садился в стороне от сослуживцев и жадно перечитывал, не обращая внимания на бегущие по щекам слезы. Представлял лица родных, вдыхал запах письма и отчетливо чувствовал теплое прикосновение рук своей любимой Шуры, ясный взгляд ее темно-изумрудных глаз. Он нежно прикладывал это письмо к губам, не в силах оторваться от маленькой частицы родного дома, и только спустя минуты бережно прятал его в карман гимнастерки. В такие моменты крепла его любовь к родным и во много раз усиливалась ненависть к фашистам.

«Скорей бы в бой, – шептал он в пустоту, – разобьем проклятую немчуру и – домой... Обязательно разобьем – это наша земля! Это наша Родина! И нет на ней места для фашистской нечисти... А вернусь домой, день и ночь буду работать, но не дам детишкам голодать...»

В коротких письмах из дома Степан узнавал лишь часть скорбных подробностей о жизни близких ему людей, о безжалостных буднях, захлестнувших всех жителей поселка. А на самом деле голод и нищета навалились на его семью со страшной силой.

Много бед скрывала от мужа Александра, но смерть детей не посмела утаить. Слишком велико было ее страдание, слишком велика была ее потеря, чтобы преодолеть это горе в одиночку. За два года схоронила она четверых малышей, по разным причинам умерших в лихую годину развязавшейся войны. Самая маленькая дочурка умерла от несчастного случая. Заигралась Танюшка на улице и забыла про сестренку, а она с кровати упала – и сразу насмерть. У двухлетнего Николки жар поднялся, три дня простонал и – как не бывало ребенка. Четырехлетний Петрушка какой-то травы наелся, видно, с голодом совладать не смог. Метался малыш то по двору, то по дому да помочь ему было некому. Вечером уж, придя с фермы, на холодное тельце сына случайно сама Шура наткнулась: лицо перепуганное, глаза навывкат, а у рта – пена... В то время многие дети умирали от истощения.

Как-то раз Миша с Гашей пришли с работы раньше матери и увидели, что младшая сестренка лежит на кровати, сказать ничего не может, а только воздух роти-

ком хватает. Гаша сразу кинулась ей на помощь, но что она могла? Принесла воды в кружке и дала сестренке попить. А это только продлило ее мучения, и Любочка еще долго умирала у них на глазах...

Александр Степан писал в треуголках всего несколько слов: жив, здоров, бьем фашистских гадов, береги детей, береги себя, жди, я обязательно вернусь...

Но война только набирала обороты, и конца ее не предвиделось. Жестокие кровопролитные бои с большими потерями наших солдат сменялись один за другим. Степан смело рвался в бой, не жалея себя. Он яростно мстил за свою семью, мстил за умерших детей, мстил за свою любимую Родину.

Много раз осаживал комроты рядового Архипенко:

– Это тебе не уличная драка, а война – с ней шутки плохи. Воевать надо с умом, а не бросаться на танк с кулаками, – но тут же смягчался и добавлял: – Если все солдаты так на врага кидаться станут, быстро перебьет нас немец, да еще и спасибо скажет за то, что сами под пушки встали.

Молчал рядовой, крепче сжимая кулаки. Понимал он командира, да ничего с собой поделывать не мог. Как же иначе защитить ему свою семью, если ни ценой собственной жизни, встав смертельной преградой на пути фашистов. «Как жить, зная, что не сумел уберечь от лютой смерти детей малых?! – сам себе задавал он этот вопрос, и решительно отвечал: – Чем быстрее мы фашистов перестреляем, тем быстрее война кончится...»

И не жалея себя, рисковал Архипенко Степан своей жизнью, оказываясь в самых трудных ситуациях, не терял рядовой боевого духа и ни на секунду не забывал о своей Александре и оставшихся в живых Ванечке, Мишутке и Гашеньке.

В январе 1943 года зима показала свой нрав: лютые морозы, обильные снегопады, но несмотря на все это, война все еще продолжалась...

Гарь, дым, снег, земля и огонь – все перемешалось. Солдаты погибали один за другим. Дивизия была обескровлена. За ночь подкрепления не поступило. Поснимали военных с конных повозок, всех часовых, но и этого было мало, чтобы закрыть образовавшуюся брешь на линии фронта. После артобстрела пехота снова рванулась в бой. Атака длилась больше часа. Выбив немцев из траншеи, повергли их в отступление. Снаряды заканчивались, умолкали пушки, но фашистская пехота была смята и уничтожена.

И вдруг на горизонте сквозь густую пелену черного дыма показались немецкие танки. Их было немного, но они ровным строем устремились вперед, стремясь прорвать оборону и вынудить наших солдат отступить.

Советские солдаты до последнего вздоха боролись за родную землю. Наскоро окопавшись, они закидывали танки бутылками с горючей смесью, противотанковыми гранатами, отстреливались, но не сдавались ненавистному врагу.

Погибали наши солдаты, все реже становились их ряды, но и немецкие танки один за другим вы-

ходили из строя, получив достойный отпор с нашей стороны.

– Врешь, не прорвешься! – со злобой кричал рядовой Архипенко, стараясь перекричать жуткий рев войны. Из-за плохой видимости он не сразу заметил вражеский танк, который уверенно шел вперед. Танк был почти рядом и мог легко прорвать оборону, а кроме Степана подорвать его и раз и навсегда преградить путь фашисту было некому.

Погиб рядовой Михеев, осколок от снаряда разорвал ему грудную клетку... Контузило Сидорова Сергея... Тяжело ранило Петро... И только Степан продолжал отстреливаться из автомата и закидывать гранатами надвигающиеся танки.

Отбросив автомат, Степан снял с ремня последнюю гранату и кинулся наперерез немецкому танку. Рядом прогремел взрыв, и больно кольнуло ногу выше колена. Солдат споткнулся, но встал и, прихрамывая на левую ногу, задыхаясь от пороховой гари и не чувствуя боли, медленно и уверенно шел навстречу фашистскому танку.

Волной от второго взрыва его осыпало землей и снегом и осколком перебило левую руку, но рядовой не сдавался. Он шел вперед, оставляя на почерневшем от сажи снегу кровавые пятна... Левая рука словно плеть беспомощно висела вдоль тела, а правая крепко сжимала противотанковую гранату.

Расстояние сократилось до минимума. И война между рядовым Архипенко и немецким танкистом все больше походила на игру. Немецкий танкист больше не

стрелял в русского солдата, но продолжал держать его на мушке. Смертоносная машина быстро и уверенно шла прямо на Степана, готовая в один миг и с огромным удовольствием сравнять его с землей...

– Ползи, фашистская гадина... Ползи, я готов умереть за свою семью, за свою Родину, а ты?! – разгадав его намерения, крикнул Степан. Силы его слабели, и он не мог двигаться дальше. И только жажда мести спокойной и уверенно вела его к намеченной цели.

Скатившись в неглубокую воронку от взрыва, Архипенко замер в ожидании фашистского танка.

– Еще! Еще! – с ненавистью выкрикивал Степан, подпуская врага ближе.

Земля жалобно задрожала, и над воронкой медленно выплыло дуло танка, вгрызаясь в мерзлую землю, от натуги заскрипели гусеницы, и тут показалось брюхо танка...

Степан зубами рванул кольцо, из последних сил приподнялся и вставил гранату между гусеницами вражеского танка, зависшего над воронкой.

И в тот же момент раздался оглушительный взрыв, и огненный столб снега, земли и крови взметнулся к небу победным флагом...

Подбитый танк дернулся в предсмертной судороге и закрутился на месте, здоровой гусеницей срезая мерзлые края воронки и зарывая вглубь безжизненное тело рядового Архипенко...

Получив извещение о без вести пропавшем муже, Александра не поверила и детям наказала не думать о плохом, чтобы не навлечь на него беды.

«Человек – не пуговица от пальто, отыщется Степа, вот увидите...» – упрямо убеждала она и детей, и жалеющих ее бабенок.

Жители маленького поселка не видели убитых, не слышали взрывов и не могли представить себе всепоглощающего ужаса войны...

Этой же зимой Гаши исполнилось тринадцать лет. Ее и соседского мальчишку Гришку на лошадях увезли в «Дорстрой» под Барнаул. Ехали почти неделю и за все время пути, кроме овса, запаренного кипятком, ничего не ели. А там их, как и многих других, заставили строить дороги. Норма – восемь кубов земли в день на одного человека независимо от возраста. Сначала копали траншею, выкидывая из нее всю землю наверх, а затем трамбовали эту землю тяжелыми березовыми чурками.

На пай строителям дороги давали всего триста грамм ржаного хлеба и пол-литра бульона.

От непосильной работы Гаши много раз теряла сознание, шла кровь ртом и носом. Ее увозили в больницу, там давали какие-то порошки, а наутро снова вели строить дорогу. Жизнь Гаши была на волоске от смерти, и вдруг две более взрослые девчонки предложили ей бежать вместе с ними в свой поселок к маме и братишкам. Они знали, что за ними обязательно будет погоня и если поймают, смерти не миновать – дезертиров расстреливали на месте. Но в свои тринадцать лет Гаши не совсем осознавала значения этого слова «дезертир» и очень хотела вернуться к маме, поэтому согласилась сразу, не раздумывая. Девчонкам она была нужна как

приманка или, скорее всего – наживка: худенькая, еле живая – такой милостыню легко подавать будут. А если где и поймают, так не велика потеря – дорога дальняя, все равно ей не вытерпеть, сил не хватит.

Пару дней девчонки готовились к побегу. Припрятали несколько спичек, ночью сходили в поле и нашептели в карманы ячменя и побежали домой, делая огромный круг. Днем шли по лесу, чтобы не нарваться на погоню. А ночами по дороге, чтобы быстрее добраться до дому. Прятались в стогах, в развалинах хат. Частенько девчонки отправляли Гашу в деревню просить милостыню. То, что ей подавали, за деревней делили на всех, причем Гаше как самой маленькой доставалось меньше других, подавание быстро съедали и шли дальше.

Однажды, изнемогая от голода, Гаша зашла во двор попросить еды. А там овчарка ела вареную картошку. Не думая об опасности и только сглатывая набежавшую слюну, Гаша тихонько подошла к цепной собаке, взяла из чашки оставшуюся там картоху и тут же с жадностью ее съела. А овчарка, жалобно поскуливая, наблюдала за ней и даже не лаяла.

Девять дней девчонки шли до дома. Боясь наказания, два дня просидели в погребе, а потом вышли на работу. Рабочих рук не хватало, и начальство о беглянках никуда не заявило. Наверно, это и спасло их от расправы как над врагами народа. Девчонки вместе с другими заготавливали и возили на быках корм для скота: дневная норма – семнадцать бричек. Приходилось очень тяжело, но рядом были родные, и это сглаживало все их

беды. Так до конца войны и трудились, не зная ни отдыха, ни выходных...

Из всех мужчин в поселок с войны вернулись только двое. Один из них сильно напоминал Гаше отца... И после войны она ждала его с фронта, внимательно вглядываясь в чужие лица, ведь будучи больная глазами больше чем полгода, она не запомнила родное лицо, но так и не дождалась. Так как их отец рядовой Архипенко Степан Григорьевич пропал без вести, то пособие семье не выплачивали, вот и приходилось им всем выходить на работу изо дня в день, да еще стараться быть в первых рядах. Частенько строжилась Александра над своими детьми, а в минуты горького отчаяния тихо шептала: «Вот вернется ваш батька, что я ему скажу, если вы плохо работать будете...»

*Татьяна ГУТОРОВА,
с. Шабаново*

ВАХТА ПАМЯТИ

Давно окончилась война,
И почести не раз уже воздали
Солдатам тем, чьи имена
В гранитных списках изваяли.

И в нашем чествуют селе,
Чтоб не забылись боль и беды,
Солдат, погибших в той войне
И не доживших до Победы.

Мы вахту памяти несем
Из года в год, как эстафету,
Цветы к подножию кладем,
Чтоб не забыть про ту Победу.

Но этот год особым стал:
В архивах долго мы искали,
Сто пятьдесят имен на пьедестал
Спустя полвека записали.

Чтоб не прервалась связь времен,
Мы вахту Памяти несем...

*Надежда ДИАНОВА,
п. Мирный*

ПЕЧАЛЬ

Моему сыну Максиму

Я не был на войне, я не был...
И не смотрел в пустое небо,
Где вместо птицы звук звенящий
От пули в чью-то жизнь летящий.

Я не лежал на мертвом поле
И не томился в злой неволе,
Где боль и ненависть слепая
В душе клубится, оглушая.

Неопаленный той войной,
Я рос под мирной тишиной.
Так почему же на глаза
Легла незваная слеза?..

Стою я у могилы деда –
Не дожил он до Дня Победы...

*Виктор ДРЕБЕНЦОВ,
п. Новый*

ЖЕСТОКАЯ ВОЙНА

Жестокая война,
В висках стучат набаты,
Изрытая земля –
В руинах наши хаты.

Стонала мать-земля
От пламени и дыма,
И поднялась страна
В защиту до едина.

Все встали, стар и мал,
К станкам токарным,
Переполняли план
Трудом ударным.

Портнихи день и ночь
Солдатам шьют шинели,
Чтоб было им тепло,
Как в детской колыбели.

*Нина ИВАНОВА,
д. Красноярка*

ПОЕЗДКА В ДЕРЕВНЮ

Мария думала, что эта поездка будет не такой утомительной. Рядом на узле с вещами сидела подруга Эллина, от постоянной качки вагона она равномерно склонялась то в одну, то в другую сторону. У Марии закрывались глаза, и так хотелось спать...

«Нельзя», – думала Мария, – украдут вещи, а остаться без вещей – значит, остаться без будущих продуктов...»

Давно подруги собирались в эту поездку, чтобы хоть немного добыть пропитания для своих семей.

Ехать надо было до станции Поречье, а дальше, говорили знакомые Марии, на перекладных до любой деревни, где можно вещи обменять на муку, сало, картошку. «Ох, скорей бы».

Вагон полон людьми. Сидят на лавочках, узлах измученные, нервные. Напротив Марии молодая женщина с маленьким узелком на коленях. Ее взгляд неподвижно устремлен куда-то далеко, далеко...

Рядом бабушка дремлет и открывает глаза только тогда, когда вагон начинает сильно трясти. Идет война. Как трудно, как тяжело всем.

В вагон зашел молодой паренек, притулился на краешек скамейки, улыбается Марии. А Марии и самой-то семнадцать лет, тоже хочется смеяться. Парень спросил:

– Куда это вы, девчата, путь держите?

– Да вот хотим вещи обменять на продукты. Может, вы знаете, в какой деревне лучше, – спросила Мария.

– А я и сам из такой деревни, я помогу вам. Только не надо до станции ехать. Надо не доезжая на ходу выпрыгнуть, деревня-то совсем рядом, а от станции километров восемьдесят будет.

– Я всегда спрыгиваю на ходу, – сказал парень.

– Ой, страшно! – выдохнула Эллина.

– Девчата, да там поезд замедляет ход. Вы сначала узлы сбросьте, потом сами прыгайте.

– А вдруг убьемся? – прошептала Эллина.

– Я научу вас. Надо главное подальше от рельсов прыгнуть, а потом кубарем в сторону. Я еще ни разу не промахнулся, – весело рассказывал парень.

– А далеко еще до деревни ехать? – испуганно спросила Эллина.

– Минут сорок еще. Я вам скажу, когда подъезжать будем.

– Что, – спросила Мария, – будем прыгать? – Мария с Эллиной переглянулись.

– Нет, я боюсь. У меня по физподготовке тройка.

– Да не бойтесь вы, поезд медленно будет в том месте ехать, совсем медленно, – улыбнулся паренек. Я прыгну, а вы узлы сбросьте и за мной. Парень стал поглядывать в окно.

– Девоньки, готовьтесь, идем к выходу.

У Эллины губы задрожали, но Мария улыбнулась ей:

– Идем.

– Вы только не мешкайте, я спрыгну, ваши узлы поймаю, а вы вслед за узлами.

Стоят девчата, смотрят, как мелькают кусты, деревья, жутко.

Поезд постепенно стал сбавлять ход.

– Ну, девчата, готовьтесь, я первый, следом узлы, потом вы.

Сердце у Марии готово выпрыгнуть из груди, ноги подгибаются, а на Эллину даже смотреть страшно.

Вдруг парень сиганул с поезда и уже машет, чтобы узлы выкидывали.

Мария схватила узлы, швырнула их с поезда, крикнула подруге:

– Прыгай...

Та с ревом исчезла в проеме вагонной двери...

Мария изо всех сил оттолкнулась ногами от вагонного пола, и только ветер засвистел в ушах, все закружилось, и вдруг удар...

– Ой, голова оторвалась и вон покатила под горку, – Мария судорожно схватилась руками за голову, нет, голова на месте, только шапки нет.

Села на землю и увидела уже вдалеке хвост поезда, еще раз провела руками по голове, поднялась. А где же Эллина, парень?..

И увидела, как вдалеке с узлами они машут ей руками и что-то кричат.

– Слава богу, все живы. Да, все хорошо, если бы только не война...

*Людмила ИЛЬИНА,
с. Чусовитино*

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Женщина над пашнею склонилась,
Вытерла устало пот со лба
И, вздохнув, тихонько помолилась.
Вдруг за полем началась стрельба...

Сорок первый шел, не сорок пятый, –
Много ей придется испытать:
Мужа, сына потерять и брата,
С голоду умрет больная мать...

А сейчас, сжимаясь вся от боли
И от страха за судьбу родных,
Стала выть волчицей против воли,
Чтоб Господь оставил их в живых.

«Господи! За что же нам страданья?
Сколько можно сердце болью рвать?»
А в ответ, как будто в назиданье:
«Вытерпеть все сможет только мать...»

ПАМЯТЬ

В шкафу висит пиджак.
Висит он просто так.
Хозяин умер много лет.
Пиджак живет, и дела нет...

В шкафу мундир висит,
О многом говорит –
На нем медали к ряду ряд,
Звезда и орден. Как горят!..

Пиджак судьбу клянет –
За годом год идет,
А он висит и не у дел –
Никто ни разу не надел...

Мундир наш не простой –
Хозяин был герой!
Ходил он часто на парад...
Мундир воспоминаньям рад...

Вдова в последний год
Пиджак, мундир возьмет
И, тихо говоря с собой,
Смахнет пылинки с них рукой...

Тогда поймет пиджак –
Висел не просто так.
Он также дорог был и мил –
О прошлом память он хранил...

* * *

Позвал отца Дальневосточный фронт,
Где пламенем пылал весь горизонт.
А двигала отца на фронт тогда –
Простое, негеройское – еда...

Не думайте – ему бы только есть –
В душе солдатской закипала месть
К японцам и фашистам – без труда!
А месть его была – еда, еда...

На той войне отец солдатом был
И... поваром. Ах! Как он всех кормил.
Боец голодный – вам не ерунда,
Чтоб сильным стать в бою, нужна еда...

Отец мой выжил на войне в тот раз,
И поваром он был – ну просто ас!
Так отзывались об отце всегда:
Военным летчикам нужна еда...

Отметят ветераны юбилей,
Нальют по стопке – станет веселей.
На праздничном столе, как и всегда,
И без отца – еда... еда... еда...

*Мария КОЛМАКОВА,
д. Красноярка*

* * *

Он – мой учитель самый первый,
Герой-солдат, что на войне
Сквозь смерть прошел и вышел целым,
Лишь воздух в правом рукаве.

Он левой нас учил писать
Обычным перышком в тетрадь,
И ловким быть в любой игре,
И плавать на одной руке.

Учил нас вдумчиво читать,
Секреты счета постигать,
Деревья различать в лесу
И понимать следы в снегу.

За ним на лыжах шли гуськом,
В лапту играли с ним весною.
Мы оценили лишь потом –
Чем мы обязаны герою.

ПРИКАЗ № 227
(от 28 июля 1942 года)

Всем! Всем! Всем! Приказ 227!
Чтоб за каждую пядь
Только насмерть стоять!
И ни шагу назад! И ни шагу назад!
А иначе – позор! А иначе – ты враг!

Ни шагу назад, а фашист наседает,
Ни шагу назад – все уже полегли.
Ты остался один да еще вот граната:
На последний рывок, чтоб врагу не пройти.

Сердце глухо стучит,
Ярость в сердце кипит.
Вот кольцо он с гранаты срывает.
И шагнул он вперед –
Жизнь теперь уж не в счет!
Он солдатский свой долг выполняет!

*Наталья ПЕРМЯКОВА,
с. Демьяновка*

ВETERАНАМ МОЕГО СЕЛА

Я, конечно, не знала войны,
Не слыхала, как рвутся снаряды,
Не видала, как шли эти гады
По дорогам любимой страны.

Но я с вами душой всякий раз,
Дорогие мои ветераны,
И я вижу, как старые раны
Вас сегодня уносят от нас.

Я смотрю на вас милых, родных
И хожу вместе с вами в атаки,
И бросаюсь с гранатой под танки,
И теряю друзей боевых.

И душа моя тоже болит,
Когда праздник Победы подходит,
А в строю вас все меньше выходит,
За столом поминальным сидит.

Наталья ПЕРФИЛЬЕВА,
ст. Егозово

ДЕВЧОНКИ НА ВОЙНЕ

*Лариной (Логуновой)
Нине Ивановне 1923 г. р.*

*Идут года – истории страницы,
А в сердце память-колокол гудит.
О вас когда-нибудь
напишут небылицы,
Но колокол в сердцах не замолчит.*

Трандычиха – бойкая девчонка
С озорною искоркой в глазах...
Всколыхнул родимую сторонку
Зов беды в армейских сапогах.

Расколосось время на осколки:
Было, нет, сегодня и вчера,
Выпускной морзянки голос тонкий
И окопы, хриплый крик: «Ура!»

Снежной ночью тихо ноют раны,
Да в ушах сквозь вой стальной пурги,
Голос тот зовет к себе упрямо:
«Помоги, сестрица, помоги!...»

А любовь по-прежнему ликует,
И черемуховый кипень по весне...
Сердце молит: «Люди, пусть не будет
Никогда девчонок на войне».

*Ирина СИДЕЛЬНИКОВА,
с. Подгорное*

* * *

Смотрит псина, мокрая, худая.
Пирожок свой отдала я ей.
И опять невольно вспоминаю
Корку хлеба бабушки моей...

*Первый раз ударила собаку!
Нет, не с перепугу, не со зла.
От досады захотелось плакать –
Корку хлеба псина унесла!*

*Встретились голодных два оскала,
Взгляды обозленные скрестив, –
Отступила псина, убежала,
В пыль сухую корку уронив.*

*Так бежать еще не приходилось!
Только бы не съесть и добежать!
У девчонки сердце заходило, –
Дома ждет измученная мать,*

*И лежит сестренка, угасая
На простынке, как цветок в снегу –
Маленькая, добрая, смешная...
«Я бегу к вам, милые, бегу!»*

*Добежала, донесла, не съела!
Шаткие ступени, дверь, кровать...
«Попрощаться с Любой не успела», –
Прошептала еле слышно мать...*

*Свет поплыл, кривясь и угасая,
И собака взвыла вдалеке.
Корка хлеба, грязная, сухая,
Хрустнула предательски в руке...*

*Смотрит псина, мокрая, худая.
Пирожок свой отдала я ей.
И опять я плачу, вспоминая
Корку хлеба бабушки моей.*

* * *

Я не знаю, где могила деда.
Кем схоронен, где его искать?
И не знает он, какие беды
Без него семье пришлось принять...

В светлые глаза гляжусь во сне я,
Глажу бурю черную кудрей.
Бережно храню в своей душе я
Имя незабвенное – Андрей.

Я не знаю, где могила деда.
Кем схоронен, где его искать?
Но я с дедом каждый День Победы
В белом платье выхожу встречать!

* * *

Над родной землей шепчутся во тьме души.
Слейся с темнотой, раненой душой слушай!
Рядом все они, друг к тебе приник вздохом.
Страшной тишиной вдруг сменился бой, грохот.

Звоном тишина давит и кровит уши!
Стон взлетевших душ
Сквозь ночную глушь слушай!

Слушай, как с небес падает звезда в травы;
Слушай шепот тех, кто покинул свет правым.
Рядом все они, друг к тебе приник вздохом.
Страшно лишь тому, кто остался жить, плохо!

Звоном тишина давит и кровит уши!
Стон взлетевших душ
Сквозь ночную глушь слушай!

*Алексей ЧЕНДЫРЕВ,
с. Шабаново*

РАЗГОВОР С ДЕДОМ

Из трубы валит сизый дымок, значит, дед кочегарит. Сегодня воскресенье, и я решил проведать деда. Открываю дверь, впуская в натопленную избу струйку белого морозного воздуха. Дед на своем излюбленном месте возле печурки мирно покуривает «сталинскую», как он говорит, «Приму».

Пффф... Сизоватый дымок облаком расплывается по небольшой комнате. В красном углу, как подобает в деревенской избе, висят иконы – это, скорее всего, память о бабушке, чем знак его веры. На передней стене возле большого зеркала гипсовая картина, изображающая Родину-мать. Старенький диван аккуратно застелен лоскутным одеялом.

Я быстро сбрасываю с себя куртку и тихо присаживаюсь на краешек дивана. Дед как будто не замечает меня, но это не так, просто по радио передают знакомую мелодию военной песни. Дед сидел не шелохнувшись, видно, на него нахлынули воспоминания: глаза увлажнились, лицо подобрело. Именно в такие минуты он мне особенно близок и дорог. Я предчувствую интересный, душевный разговор. И, действительно, через несколько минут он уже рассказывает:

– Много страшного я повидал на войне, много пережил: бои, спешка, зверства японцев – есть о чем рас-

сказать. Однажды пошли в бой все, кто мог держать оружие, остались раненые, медсестры и повара. Из боя возвращаемся, а они все перерезаны – японцы поорудовали. Тут даже у самых сильных мужиков слезы на глазах выступили.

Ладно, в бою погибают товарищи – больно, но ты знаешь, на что идешь: лицом к лицу врага встречаешь. А вот к подобной жестокости, через всю войну пройдя, мы так и не привыкли.

Дед немного помолчал, я старался не задавать вопросов, чтобы не спугнуть воспоминания.

– Трудно было на войне, но никто не жаловался ни на тяжелые условия быта, ни на холод, ни на голод, все понимали, что воюют не за себя, а за святое общее дело. Ведь войну все мы, солдаты, воспринимали как дело чести – защищали Родину, матерей, детей, жен.

– Дед, а тебе на войне часто приходилось убивать? Что при этом чувствуешь? – тихо спрашиваю я.

– Были бои, приходилось и убивать, а это нелегко – стрелять в человека! Успокаивало одно: если не ты его – значит, он тебя. Я и сам не один раз на волоске от смерти был. А однажды вообще, считай, с того света возвратился. Переплывали мы как-то с другом Зею, приток Амура, а здесь вражеские зенитки, в общем, от взрыва перевернуло нашу лодку. Обоих по голове ударило, я сразу на дно пошел. А товарищ-то мой поздоровее оказался, стал барахтаться, так и выбрался на берег. Возвратился к своим, рассказал, как все было. Мои однополчане уже по беленькой пропусти-

ли за упокой моей души, а тут я и явился собственной персоной...

А дело так было: я когда в воду попал да еще при полном обмундировании, мысленно с жизнью сразу простился, да еще голова от удара мало что соображала.

Медленно так опускаюсь на дно, вдруг чувствую: что-то твердое, земля под ногами, встал и пошел. Вначале под водой, а потом и воздух почувствовал: просто нашу лодку на мели перевернуло.

Когда вернулся к своим мокрый, замерзший, все настолько были рады, что меня, как ребенка, в бане вымыли, напарили, переодели, накормили, вовнутрь погреться дали. А потом выпили за мое второе рождение.

– Дед, а что помогло на войне выжить? – задал я очередной вопрос.

– Я думаю, взаимовыручка, мужская дружба, шутки, песни, армейские розыгрыши. Смех и юмор придавали нам сил.

В этот вечер дед еще долго говорил о своей службе на Дальнем Востоке, куда был призван в самый разгар войны, в 1943 году. На фронте он был пулеметчиком.

И чем больше я слушал его, тем больше понимал, что война – страшное бедствие, но в чем-то она похожа на уборочную страду, когда все силы на исходе, а бороться надо.

Мое поколение почти не знает войны, но то, что происходило шестьдесят пять лет назад, не должно за-

быться, не должны забыться чувства, тот страх, когда мир стоял над пропастью. А спасли этот мир миллионы простых советских солдат, которые, идя в бой, не боялись умереть, потому что они думали о нас. И забыть их было бы в высшей степени черной неблагодарностью.

Пффф... В комнате становилось все темнее и темнее. За окном дул сильный ветер. Тишину нарушал лишь гул печки да серый котенок, который играл с коробком. Седой дедушка сидел и медленно курил, а я притих напротив него на диване. Каждый думал о своем. Мы молчали.

*Виктор ШЕРИН,
с. Драченино*

ОТЦОВСКАЯ ПОБЕДА

Они ушли на фронт не долюбив, не докурив последней папиросы, приближали год за годом долгожданный День Победы, да так и не дождались ее.

Среди миллионов погибших – мой отец, Шерин Фатей Иванович, 1901 года рождения, уроженец села Драченина. В июле 1941 года он пошел на фронт добровольцем, отказавшись от брони, оставив четверых несовершеннолетних детей на попечение жены – моей матери Феоктисты Потаповны. Старшему брату Виктору было четырнадцать лет, младшей сестре Любе – только три месяца.

Мне в тот год исполнилось три с половиной года. И я смутно, но помню, как односельчане, в основном женщины, провожали мужчин на призывной пункт, и среди них был мой отец.

Помню, как отец управлял лошадьё, запряженной в телегу, на которой лежали вещевые мешки, и среди них я, не понимающая, что происходит и почему провожающие плачут.

По воспоминаниям моей мамы и родной тетушки Марии Ивановны – сестры отца, отец был добросердечным, общительным, балагуром, трудолюбивым, замечательным, любящим семью.

Безграмотный, он работал забойщиком на артельной шахте «20 лет ВЛКСМ». Шахта располагалась не-

далеко от деревни на правом берегу реки Ини, где до сих пор сохранился один из шурфов, впоследствии его завалили в целях безопасности.

Веселый по характеру, какую бы работу он ни выполнял – делал легко и добросовестно, за что неоднократно поощрялся управляющим шахты Бояренцевым (имя, отчества не помню). Это он отговаривал отца, имеющего бронь, не ходить на фронт.

В любое время года, возвращаясь с работы, он приносил гостинцы: то ягоды от лисички-сестрички, то кусочки замороженного хлеба от зайчика.

По тем временам наша семья была обеспеченной. Отец получал приличную зарплату, будучи отличным стрелком – добывал уток, тетеревов-косачей (да в ту пору водилась такая дичь). А рыба не переводилась со стола, так как отец был отменным рыбаком, ловил рыбы столько, что мужчины всегда завидовали его рыбацкому счастью.

Уменьше хорошо стрелять и ходить на лыжах пригодилось ему во время войны с Финляндией. Он был определен в лыжный десантный батальон снайпером. Демобилизовавшись, отец вернулся домой и продолжал работать на шахте до самого призыва на фронт Великой Отечественной войны.

На прощание отец сказал, чтобы мать берегла детей (по рассказу матери) и что он не вернется с фронта, пока не выбьет глаз Гитлеру.

Он был зачислен в 35-й стрелковый полк гвардейской дивизии 14-й армии (из архива Ленинск-Кузнецкого РВК).

В июне 1942 года пришла похоронка. С этих пор наша семья считала отца погибшим, и мы ничего не знали о нем.

Но он не погиб, а находился в плену в Норвегии до сентября 1942 года. Об этом нам стало известно в мае 1945 года по возвращении с фронта земляка-однополчанина Пьянкова Михаила Евдокимовича. Вот, что он сообщил: в мае 1942 года группу разведчиков, куда входил мой отец и Пьянков, обнаружили немцы, завязалась перестрелка.

Командование батальона отдало приказ о наступлении. В бою погибло много советских бойцов. Пьянков оказался жив, а отца в живых не обнаружили. Вот почему и сообщили о его гибели.

Раненого отца норвежцы подобрали с поля боя и водворили в концлагерь. В сентябре с одним однополчанином он совершил побег, они скрывались в фиордах Северного моря до тех пор, пока их не обнаружил норвежский рыбак, который носил им еду и одежду, а потом помог перейти линию фронта в расположение базирующейся воинской части.

После длительных спецпроверок отец снова вернулся в строй, но уже в другую часть: 536-й стрелковый полк 114-й стрелковой дивизии. Прислал письмо домой, в котором сообщил, что жив-здоров и по-прежнему бьет врага. Письма приходили вплоть до апреля 1945 года. В одном из писем он сообщил, что вновь встретился с Пьянковым Михаилом, но уже в госпитале, где вместе проходили курс лечения и восстановления. Раненый в

руку Михаил Евдокимович был демобилизован по состоянию здоровья и в январе 1945 года вернулся домой, а отец остался долечиваться, так как был тяжело ранен.

По возвращении Пьянков поведал о тех событиях, которые произошли в мае 1942 года, с отцом они вновь встретились в декабре 1944 года в военно-полевом госпитале, где отец рассказал Михаилу, как он попал в плен, бежал и воевал до получения тяжелых ранений.

Отец умер 13 мая 1945 года в 123-м эвакуационном госпитале 2204-го полевого передвижного госпиталя. Официальное уведомление о смерти было получено 24 июня 1945 года.

Похоронен в Норвегии, село Райванера в 300 метрах 71-го километра железной дороги на Киркенес (архив Ленинск-Кузнецкого РВК).

А вся наша семья ждала и надеялась на скорую встречу с отцом. Это была невозполнимая утрата, последствия которой сказались на образе жизни брата и сестер.

Такова история простого советского солдата, прошедшего всю войну от ее трагического начала до ее победного конца.

Не сбылась мечта отца выбить Гитлеру глаз и вернуться домой с Победой.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Артемьева Екатерина <i>Наряжала девушек война (рассказ)</i>	7
Астудин Сергей <i>Помним. Гордимся. Любим (рассказ)</i>	10
Бибикова Галина <i>Мой солдат (рассказ)</i>	17
Верезуб Валерий <i>Мы помним</i>	19
<i>Выручай, милая! (рассказ)</i>	20
<i>Домой (рассказ)</i>	25
<i>Сквозь войну (рассказ)</i>	28
Глушкова Нина <i>«Весенним теплым майским днем...»</i>	35
<i>За Победу</i>	36
<i>«Война коснулась всех без исключения...»</i>	37
<i>Мамино детство (рассказ)</i>	38
Гуторова Татьяна <i>Вахта памяти</i>	53
Дианова Надежда <i>Печаль</i>	54
Дребенцов Виктор <i>Жестокая война</i>	55
Иванова Нина <i>Поездка в деревню (рассказ)</i>	56

Ильина Людмила	
Предназначение	59
Память	60
«Позвал отца Дальневосточный фронт...»	61
Колмакова Мария	
«Он – мой учитель самый первый...»	62
Приказ № 227 (от 28 июля 1942 года)	63
Пермякова Наталья	
Ветеранам моего села	64
Перфильева Наталья	
Девчонки на войне	65
Сидельникова Ирина	
«Смотрит псына, мокрая, худая...»	66
«Я не знаю, где могила деда...»	68
«Над родной землей шепчутся во тьме души...»	69
Чендырев Алексей	
Разговор с дедом (рассказ)	70
Шерин Виктор	
Отцовская Победа (рассказ)	74

Литературно-художественное издание

ЭХО ДАЛЕКОЙ ВОЙНЫ

Стихи и проза

Редактор *Б. В. Бурмистров*

Составитель *Н. П. Глушкова*

Технический редактор *В. И. Труханова*

Корректор *Т. В. Тулунова*

Компьютерная верстка и дизайн обложки

С. А. Янченко

Подписано в печать 03.11.2010. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,65. Уч.-изд. л. 2,6. Тираж 300 экз. Заказ № 349

Издательство «Кузбассвузиздат». 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 60^Б. Тел. 58-29-34

30 н.у. = цена
коп.

90597

